

СТАТЬЯ

УДК 159.942.22:101.8

ИЗ ИСТОРИИ ПОНИМАНИЯ СУЩНОСТИ ВИНЫ

Гришина Е.С.

*ФГКВОВУ ВО «Тихоокеанское высшее военно-морское училище им. С.О. Макарова»,
Владивосток, e-mail: elenagrishina55@yandex.ru*

Исследование посвящено философскому анализу истории постижения сущности понятия «вина». Принимая в качестве метода исследования контент-анализ теоретических текстов мыслителей разных исторических периодов, автор пришел к выводу о единстве внутренней логики, удержанной разными представителями гуманитарного знания благодаря их общему стремлению актуализировать аристотелевское понимание вины как причины и всеобщего начала. Совместный по умолчанию анализ внутреннего единства выдвинутой Аристотелем взаимосвязи понятий «причина – вина – ответственность – начало» привел как минимум к двум совокупным результатам развития философского осмысления феномена вины. Во-первых, современное философское сообщество едино в необходимости онтологизации вины как экзистенциала человеческого существования. Понимание вины как явления, которое всегда присутствует в психике человека и последовательно разумно осознается, помогает человеку преодолеть стремление «убежать» от вины, ставит перед ним конструктивные задачи по саморазвитию через понимание причин виноватости и способов ее преодоления. Одновременно человек получает шанс не поддаваться ложным или надуманным обвинениям и комплексам. Во-вторых, контент-анализ текстов современных представителей различных направлений гуманитарного знания показал, что исследователи социальных, правовых, лингвистических и других современных проблем активно овладевают методикой и культурой философского мышления. Это, в свою очередь, повышает общий теоретический уровень гуманитарного познания и способствует большему взаимопониманию его представителей.

Ключевые слова: вина, причина, ответственность, экзистенциал, онтологизация

FROM THE HISTORY OF UNDERSTANDING THE ESSENCE OF GUILT

Grishina E.S.

S.O. Makarov Pacific Higher Naval School, Vladivostok, e-mail: elenagrishina55@yandex.ru

The research is devoted to the philosophical analysis of the history of comprehension of the essence of the concept of “wine”. Using content analysis of theoretical texts of thinkers of different historical periods as a research method, the author came to the conclusion about the unity of internal logic held by different representatives of humanitarian knowledge due to their common desire to actualize the Aristotelian understanding of guilt as a cause and universal principle. By default, the joint analysis of the internal unity of the relationship between the concepts of “cause-guilt-responsibility-beginning” put forward by Aristotle led to at least two cumulative results of the development of philosophical understanding of the phenomenon of guilt. Firstly, the modern philosophical community is united in the need to ontologize guilt as an existential of human existence. Understanding guilt as a phenomenon that is always present in the human psyche and is consistently intelligently realized helps a person overcome the desire to “escape” from guilt, sets him constructive tasks for self-development through understanding the causes of guilt and ways to overcome it. At the same time, a person gets a chance not to succumb to false or far-fetched accusations and complexes. Secondly, the content analysis of the texts of modern representatives of various areas of humanitarian knowledge has shown that researchers of social, legal, linguistic and other modern problems actively master the methodology and culture of philosophical thinking. This, in turn, increases the general theoretical level of humanitarian knowledge and contributes to greater mutual understanding of its representatives.

Keywords: guilt, reason, responsibility, existential, ontologization

Многозначность понятия «вина» провоцирует ее изучение представителями разных направлений антропологии, социологии, психологии, юридической науки и пр. Психологи, например, рассматривают вину как тяжелый груз, отказ от которого приводит к свободе поступка. Правоведы, стремясь узаконить пределы виновности, допускают состояние абсолютной невиновности человека. Этика видит причину виновности в нарушении моральных норм. Психоаналитический метод позволяет говорить о воспитанной, внушенной, вмененной вине, переживание которой протекает по-разному.

Исторически менялось семантическое наполнение понятия «вина», отражая динамику индивидуального и общественного самопознания. Несмотря на то, что в XXI в. из-

учение феномена вины в целом и эволюции этого понятия в частности заметно активизировалось [1, 2], вопросы понимания вины в различные исторические периоды по-прежнему актуальны.

Целью данного исследования является выделение исторической логики осмысления вины как постоянного объекта философского размышления.

Материалы и методы исследования

Материалом для данного исследования стали теоретические тексты гуманитарного познания из различных исторических периодов. Ведущим методом исследования был выбран контент-анализ теоретической литературы гуманитарного направления в части изучения сущности понятия «вина».

Результаты исследования и их обсуждение

Гипотезой нашего исследования является двойной вывод о том, что понятие «вина», будучи постоянным объектом исследования гуманитарных наук, неодинаково понималось в различные исторические эпохи, с одной стороны, и, одновременно, развивалось в направлении, предложенном античной философией, с другой.

Натурфилософия античности, рассуждая о природе, не видела переживание как предмет особого внимания. Антропологический поворот этического рационализма Сократа приоткрыл путь к интересу человека к самому себе. Это и положило начало размышлению о сущности вины. Для эллинской традиции были важны смысловые ассоциации между причинением и виной, вызывающей последствия. Аристотель уверенно доводил понимание причины до «виновности» и соединял ее с ответственностью, предвещающей созидание. «Причина – вина – ответственность – начало» – античная мысль угадывала в этих понятиях незаменимые моменты саморазвития человека, развивающиеся через взаимодействие. Вина-ответственность – это сила, обеспечивающая важное для Аристотеля единство причин и начал. Уточним, что вина через ответственность конструирует конечную цель, которая направляет процесс созидания, помогая превращать возможность в действительность. Логика Аристотеля помогает нам сделать вывод, что переживание вины побуждает человека к ответственности и, следовательно, к действию. Разрыва между принятой виноватостью и ответственностью нет.

Средневековая философия, развивая идеи Аристотеля о причинности не через природу человека, а через мыслящий самого себя божественный ум, видя в нем первопричину мира, которая распадалась на множество причин, собирающихся в четыре аристотелевских и поглощавшихся первопричиной как конечным источником всего. Развитие идей Аристотеля через поиск соотношения разума и воли в Боге (Дунс Скот) или через рассуждения об «излишних сущностях», мешающих чистоте познания (Уильям Оккам), к началу нового времени привело европейское сознание к экспериментальной науке с опорой на математическую логику, но не к экзистенциальным поискам сущности человека и конкретно виноватости его бытия. Средневековое сознание полагало человека виновным в силу грехопадения Адама, спасение ожидалось лишь от Божьей благодати. Отметим,

что спасение воспринималось необходимым, на основе его желания выстраивался смысл жизни. Его осуществлению мешала гордыня как заменитель чувства вины и препятствие к раскаянию (Лютер и Кальвин). Но виной как таковой средневековая европейская мысль почти не интересуется. А. Ориген, Пелагий, А. Августин, Ф. Аквинский, И.Д. Скот, У. Оккам, М. Лютер и Ж. Кальвин говорят о грехе. Рассуждения о чувстве вины в форме теоретического поиска начались значительно позже и особенно активно развивались в экзистенциализме от С. Кьеркегора, Э. Эриксона до Э. Фромма, К. Ясперса, М. Хайдеггера и др.

В новое время европейская философия анализировала вину через уяснение сочетания объективных и субъективных причин ее возникновения и преодоления. Полагаем, что немалую роль в этом направлении сыграли выводы Г. Лейбница о неизбежности зла, которое «можно понимать метафизически, физически и морально. Метафизическое зло состоит в простом несовершенстве, физическое зло – в страдании, а моральное – в грехе» [2, с. 144]. Эта триада будет развиваться в европейской философии через понимание неизбежности проступка, переживания за выбор и свою незавершенность. Отметим, что Г. Лейбниц снимает ответственность за все это с Бога и настаивает на свободе выбора разума, который без всякого принуждения способен детерминировать волю «сильными доводами». Г. Лейбниц «подсказал» нам, что для теологии связь свободы и греха имеет первостепенное значение. Свобода воли является великим благом, но для Бога логически невозможно даровать свободу воли и в то же самое время повелеть не быть греху. Поэтому Бог решил сделать человека свободным, хотя и предвидел, что Адам съест яблоко и что грех неизбежно повлечет за собой наказание. В мире, явившемся результатом этого, хотя в нем и существует зло, есть существенный и постоянный перевес добра над злом; поэтому этот мир и является лучшим из всех возможных, а зло, которое в нем содержится, не является аргументом против доброты Бога. Полагаем, что эти идеи с наибольшей полнотой связали античную формулу причинности – вины – ответственности с современным философским подходом к пониманию сущности виноватого бытия. Именно в контексте обоснования «нравственного закона во мне», для уточнения понятия чести рассматривает И. Кант смысл вины через формулировку понятия долга как добровольно принятой на себя обязанности, выполняющей роль главной нравственной силы, побуждающей

человека к этическому самосовершенствованию. Интересно, что в стремлении обоснования категорического нравственного императива И. Кант вменяет человеку чувство вины, но не от Бога и не от общества, а от личного, человеческого долга, так как никакая эмпирика не может лишить разум свободы. Получается, что И. Кант предлагает индивиду перевод обязанности перед обществом в долг перед собой ради выхода на реализацию возможности стать полноценным человеком. Развивая эти выводы, Ф. Гегель настаивал, что в поле вины человек оказывается только в результате разумного выбора [3]. Признание разума человекообразующим признаком приводит философа к выводу о невозможности жить без вины. Различные нравственные силы обречены на столкновение, участники противоречия равноправны и одинаково виноваты. Способность выйти из этого противоречия и преодолеть свою вину Ф. Гегель мог бы назвать признаком человека «действительного», что усиливает выводы Аристотеля о неотвратимости ответственности.

В иррациональной парадигме анализировал дуализм развития вины С. Кьеркегор, разрабатывая понятие «Я». Отталкиваясь от дуализма человека, он усматривал истинное «Я» не просто в единстве тела и души, но в способности индивида к рефлексии. При этом страх и трепет как пафос философствования С. Кьеркегора заключается в том, что он не видел в человеке способностей найти «себя самого» в себе, не верил в возможность при жизни реализовать страстное стремление стать «настоящим». Эта страсть исходит из свободы, из желания сравниться с Творцом, что само по себе вызывает виноватость. Однако главная проблема в том, что человек стремится к невозможному. «Влечение к свободе заставляет его выбрать себя самого и бороться за обладание выбранным, как за спасение души... и в то же время он не может отказаться ни от чего, даже самого горького и тяжелого, лежащего на нем как на отпрыске того же грешного человечества» [4, с. 299]. Нереальность цели, от которой человек не в силах отказаться, порождает, по мнению С. Кьеркегора, отчаяние и неизбывное чувство вины. Не веря в силы разума на пути преодоления этого конфликта, определяя вину как «болезнь к смерти», он не видел пути ее преодоления чувствами никого из людей. И тем самым онтологизировал переживание вины как неустранимо виноватое бытие. Несколько позднее иррационалист Ф. Ницше, трактуя вину как болезненность, отказывается от онтологичности этого чувства и оставляет его только

за слабыми, недееспособными личностями. Ф. Ницше в контексте критики современной ему церковной организации говорит о вине внушенной, утверждая, что такая вина есть ложь, которая используется для порабощения прихожан [5, с. 71].

Религиозный мыслитель Вл. Соловьев в поиске предельных начал нравственности человеческого бытия использует категории стыда и совести, нередко подразумевая, по нашему мнению, именно вину. Н. Бердяев предельно расширяет философское обобщение аристотелевских «начал», понимая вину как условие творчества и ответственности всех перед всеми. В романах Л. Толстого сама жизнь анализируется как процесс предотвращения вины или выхода из нее. Ф. Достоевский исследует духовный поиск человека, еще не осознавшего свою виноватость. Получается, что для героев Л. Толстого вина – это мучительное, наводящее ужас состояние, которое герой не игнорирует, он активно его проживает, хочет преодолеть и не допустить впредь. Герои Ф. Достоевского находятся в поиске возможности не быть виноватым, уйти от ответственности по причине «право имеющих». За это они чаще осуждаются общественным мнением, но они выходят на экзистенциальный уровень осмысления онтологичности виноватости, в чем и обретают надежду на душевное просветление и утешение.

В XX в. единство форм проживания и понимания виноватого бытия анализирует философия экзистенциализма. К. Ясперс одним из первых назвал вину экзистенциалом человеческого бытия в целом и подробно рассмотрел аристотелевскую связку вина – ответственность в частности. А. Камю изучает человека в ситуации абсурда, в котором каждый обречен на смерть и на страх невозможности не умереть. Человек всегда виноват и однажды смертен. А. Камю, предельно жестоко описывая абсурдность жизни, которая, казалось бы, приговаривает к сумасшествию или самоубийству, неожиданно для читателя убеждает его, что абсурд может быть преодолен принятием вины, перенесением смысла жизни с проблем ее завершения на процессы сегодняшнего дня, на повседневные усилия преодоления виноватости. Ж.П. Сартр рассматривает вину в контексте обоснования изначальной свободы человека и конечной ответственности перед собой и пред всеми. М. Хайдеггер, развивая экзистенциальную аналитику человеческого, исходит из того, что любая рациональная теория, превращая человека в вещь среди прочих, не позволяет использовать своеобразие антропологического анализа. Поэтому он предлагает заме-

нить научные категории на экзистенциалы человеческого присутствия. Это позволило трактовать вину в контексте причинности, как повод проявиться аристотелевскому началу и стать «произведением». Вина как причинность предполагает, что человек сам из себя формирует цели и через собственную активность определяет способ своего существования. Вина из характеристики поведения вырастает в экзистенциальный статус человека. А этика из теории о нормах поведения расширяется до учения о возможности жить в соответствии с Благотворением. М. Хайдеггер считает, что вина онтологична, она не имеет предикатов и может быть ухвачена лишь на уровне понимания. Онтологизм приводит к тому, что исследование вины преодолевает ограниченность целью конкретного уяснения положения дел отдельного индивида здесь и сейчас. Вина становится методом понимания предельных онтологических оснований того, как возможен человек, где истоки его движения по пути самоизменения, каковы перспективы этого пути, как относиться к тому, что человек всегда меньше своих возможностей.

В современной России систематическому изучению сущности вины положили начало правоведы. В результате в 1996 г. был принят Уголовный кодекс РФ, в его пятой главе под названием «Вина» показаны подходы к анализу сущности вины с позиций юриспруденции. На этой основе в XXI в. заметно активизировались философские исследования вины в контексте современного развития права. Изучается виновное вменение в уголовно-правовом [6], история понимания вины в социальном дискурсе [7], в метафизическом обобщении [8, 9], в различных этических ситуациях [10].

Самостоятельное значение получили лингвокультурологические исследования вины. Заметное расширение границ языковедения привело к формированию новых лингвистических направлений: лингвокультурология, когнитивная лингвистика, этнолингвистика, аксиологическая лингвистика, эмотиология и др.; лингвисты изучают историческое развитие содержательного наполнения самого слова «вина» в обыденном языке и его влияние на поведение [11], роль художественного творчества в осмыслении этических вопросов [12]. Это позволило комплексно изучать мышление человека, его коммуникативное поведение и переживание.

Признавая за виной регулятивные и защитные психосоциальные функции, в психологической практике преобладает стремление изучать воздействие переживания

виноватости на формы общения [13]. Наблюдая отношение клиентов в разных ситуациях, субъект-субъектные отношения можно назвать общением; субъект-объектные отношения – управлением; объект-субъектные – обслуживанием и объект-объектные – коммуникацией. Психологи действительно имеют дело с виной как с методом общения: вина, вмененная силой юридического закона, формального лидера или авторитета, внушенная через манипуляцию, надуманная в ситуации неуверенности или принятая из страха не реализовать свои планы. Философское рассуждение стремится понять проблему шире, ответить на вопрос: а как человек будет относиться к ситуации вне взгляда другого, при возможности оценить происходящее перед самим собой? Если абсолютизировать мнение психологов о том, что человек испытывает вину только перед лицом других людей, то можно прийти к выводу, что в одиночестве человек не может переживать виноватость. Конкретизируем вопрос. Взгляд другого делает меня виноватым, или этот взгляд помогает мне более точно понять мою уже существующую вину, или другой помещает меня в ситуацию ложную и заставляет меня виниться или обвинять? Мы предлагаем через философию виноватого бытия понять то, как человек переживает свое к себе отношение во всех коммуникативных ситуациях. При этом положение о том, что человек в принципе существо социальное, остается вне сомнения. Все, что происходит с человеком, испытывает влияние его социальной природы, выраженной в потребностях, инстинктах, поступках и т.д.

Иными словами, наше предположение не в том, что разные формы общения развивают в человеке разные проявления вины, а в том, что человек виноват всегда, до любой формы общения. И те проблемы, которые психологи помогают решать своим пациентам, – это лишь проявления той уже существующей вины. Наличие последней так значительно, что в ситуации ее игнорирования вина, вмененная, внушенная или надуманная как вина ненастоящая, не может быть изжита. Человек, не склонный к самоанализу и тем более к глубокой рефлексии, не будет переживать чувства вины. Однако отсутствие осознания не гарантирует, что вины нет. Предчувствие вины будет мучать. И это действительно проблема, которой призваны заниматься психологи. Полагаем, что непризнание вины базируется на идеализации себя, на желании на все влиять, на неприятии онтологической неполноты человека. Задача сознания – понять это и признать вину как повод к саморазвитию.

Чувствовать вину и исправляться не совпадает с «испытывать мучения от вины». Именно непризнание вины ведет к гордыне, самоедству, неуверенности и к мучительным переживаниям.

Заключение

Время постоянно меняет понимание человеком мира и себя. К переосмыслению смысла и понятия «вина» это относится в очень большой степени. Обращаясь к античной философии, отметим, что сознание современного мыслящего человека по умолчанию демонстрирует правоту гегелевской спиралевидной модели развития. Философское внимание возвращается к античности, развивая ее методологию: актуализация онтологии в рамках антропологического поиска бытия человека; развитие психологии как науки о душе, разворачивание натурфилософской проблематики в контексте биоэтики; реализация отдельных методов прямой демократии; приоритет диалогической методики и индивидуально-обучения в образовании; перевод космоцентризма в ноосферное мышление в процессе решения глобальных проблем. В этом контексте подчеркнем, что вся история осмысления понятия «вина» самыми разными мыслителями привела к тому, что по вопросам виноватого бытия современная философия концептуально совпадает с интенциями античной философии воспринимать виноватость как начало процесса возникновения всего в мире и саморазвития человека в частности. От средневековья вплоть до XXI в. теоретические размышления и обыденное сознание собрали некоторый набор отношений к сущности вины и ее роли в жизни человека. Результаты анализа гуманистических учения Аристотеля о четырех причинах привели к укоренению современной аналитики вины в античной философии, к принятию общего вывода о том, что древние греки образно представляли причину как «вину» (*iakia*) [14]. «Причина – вина – ответственность – начало» – эту цепочку мыслители разных эпох стремились развернуть вслед за аристотелевской идеей единичного бытия каждой вещи и увидеть целостность бытия человека через сущность его виноватости. Отметим, что аналогично современному употреблению слова «культурный» в значении «воспитанный» – о человеке и «возделанный» – об участке земли, именно благодаря античности в раз-

говорном языке используются отражающие причину такие выражения, как «всему виной погода», «виновата моя неорганизованность» и пр.

Таким образом, современная философия анализирует сущность вины как экзистенциала человеческого существования, как феномена, который онтологичен, то есть всегда присутствует в психике человека. Цель этого анализа – не убрать вину через игнорирование или волевой отказ, а понять, как эта вина проявляется, осознается и преодолевается.

Список литературы

1. Данилова Ю.Н. Вина и стыд в культурах Запада, России и Востока: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2016. 24 с.
2. Юрчак Е.В. Эволюция понятия вины в историческом контексте // Современные исследования социальных проблем. 2013. № 10 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-ponyatiya-viny-v-istoricheskom-kontekste> (дата обращения: 12.01.2023).
3. Лейбниц Г.В. Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла (с приложениями). 1706–1710 // Лейбниц Г.В. Сочинения в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1989. 554 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 3. Философия духа. М.: Мысль, 1977. 471 с.
5. Кьеркегор С. Наслаждение и долг / пер. с дат. П. Ганзена. Киев: AirLand, 1994. 504 с.
6. Ницше Ф. К генеалогии морали // Избранные произведения. М.: Просвещение, 1993. С. 377–513.
7. Юрчак Е.В. Теория вины в праве: монография / отв. ред. Т.В. Кашина. М.: Проспект, 2016. 160 с.
8. Манхаева О.М. Переживание чувства вины у мужчин с различной социальной направленностью: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2012. 22 с.
9. Гаджикурбанов А.Г. Объективные основания морального поступка и имперсональная вина // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. № 4 (24). С. 22–28.
10. Соломатин С.В. Метафизическая вина как этическая категория // Известия ВГПУ. Педагогические науки. 2013. № 1 (260). С. 89–92.
11. Гутнер Г.Б. Национальный нарратив и национальная ответственность // Этическая мысль. 2017. № 1. С. 94–109.
12. Горнаева С.В. Вина и стыд в контексте психологической регуляции социального поведения личности // Мир науки, культуры и образования. 2012. № 2. С. 47–49.
13. Турьшева О. Вина как предмет художественной мысли: Ф.М. Достоевский, Ф. Кафка, Л. Фон Триер. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2017. 152 с.
14. Долгов Ю.Н. Вина и стыд как социальные чувства // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сборник статей по материалам XXXIII международной научно-практической конференции. № 10 (33). Новосибирск: СибАК, 2013. 198 с.
15. Авдонин В.С., Ильин М.В. Четыре «Вины» Аристотеля и попытки их схоластического «Искушения» // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2015. № 5. С. 429–441.